

Императорский дворец

Спешные указы государя всегда исполнялись с завидным рвением. Не успел Хан Сиэнь прибыть к своей новой резиденции, как над массивными воротами прежнего поместья Ли уже красовалась свежая вывеска: «Поместье маркиза Вечного Покоя». Иероглифы на ней были начертаны твердой рукой самого императора — знак неслыханного благоволения, который не укрылся ни от одного взгляда в столице.

Столь внезапное возведение Хан Сиэня в ранг маркиза всколыхнуло волну ропота среди придворных. Меж титулами наследника герцога и полноправного маркиза пролежала пропасть. Наследник до скончания веков мог оставаться лишь преемником, тогда как маркиз — даже сойдя в могилу — сохранял за собой величие, власть и вечный почет.

Старый цензор первым подал голос, объявив подобную милость неуместной. Он витиевато доказывал, что титул маркиза издревле предназначался лишь для побочных ветвей императорской фамилии, потомственных вельмож или же полководцев, проливавших кровь на границах и заслуживших покой на закате дней. Разве пристало даровать столь высокую воинскую почесть гражданскому чиновнику? Старик сыпал цитатами из трактатов, приводя веские исторические доводы, и толпа сановников согласно закивала, вторя его речам. Но престарелый император, в последние годы ставший на редкость своенравным, пришел в ярость. Не тратя слов на споры, он схватил тяжелую нефритовую чернильницу со своего стола и швырнул ее прямо в оратора, раскроив упрямому цензору лоб.

Окинув притихший зал тяжелым взглядом, государь принялся перечислять заслуги Хан Сиэня. Покончив с этим, он грозно спросил собрание:

— Каждое из деяний Хан Сиэня принесло государству великую пользу! Каждое избавило Великую Чжоу от ненасытных пиявок! Так почему же вы противитесь его возвышению? Не потому ли, что сами лелеете изменнические помыслы и мечтаете безнаказанно набивать карманы?

От гнева император зашелся глухим, надрывным кашлем. Никому из присутствующих не улыбалось примерить на себя клеймо изменника, да и болезненный вид государя внушал нешуточную тревогу. Придворные поспешно склонились, умоляя его величество умерить гнев и береечь драгоценное здоровье.

Цзи Ло безучастно наблюдал за этой сценой. Ему было искренне жаль Хан Сиэня — удержаться на такой высоте требовало нечеловеческих сил. Любому другому эти неоспоримые заслуги принесли бы всеобщее почтение, но стоило зайти речи о Хан Сиэне, как придворные исходили желчью. Словно этот человек изначально был лишен права на признание. Понятно, когда конфискации имущества злили влиятельных покровителей казенных взяточников. Но даже те, кто причислял себя к сонму неподкупных праведников, питали к новоиспеченному маркизу лишь неприязнь. Для этих благообразных мужей Хан Сиэнь оставался бессердечным гордецом, лишенным сыновней почтительности. Стоило в кулуарах прозвучать его имени, как ревнители морали скорбно качали головами, будто юноша совершил святотатство и поправил законы предков.

Впрочем, сколько бы министры ни брызгали слюной, государь оставался непреклонен в своей симпатии к колючему нраву Сиэня. Цзи Ло ловил извращенное удовольствие, глядя на беспомощную злобу придворных. На душе у него становилось на редкость легко.

"Если когда-нибудь этот трон достанется мне, я стану оберегать Сиэня еще сильнее. Пусть творит что вздумается, рушит интриги этих прихвостней, а я буду с улыбкой смотреть, как они исходят бессильной яростью".

Цзи Ло поймал себя на этой дерзкой мысли и невольно улыбнулся.

Поместье маркиза Вечного Покоя

Самого Хан Сиэня подковерные игры мало заботили. Он неспешно осматривал свои новые владения и оставался вполне доволен увиденным. Убранство залов отличалось изысканной простотой. Кое-какую мебель и декор по прямому указу императора доставили из ведомства внутреннего двора — мастера постарались на славу, проработав каждую мелочь.

Между тем герцог Хань Чжо сдержал обещание: по улицам потянулась вереница слуг, демонстративно переносящих приданое покойной госпожи Ван в поместье маркиза Вечного Покоя. Разумеется, вернули далеко не всё. За долгие годы старая госпожа Хань и госпожа Лю успели изрядно приложить руку к этому богатству. Золотые слитки и векселя испарились без следа, а доходные поместья и лавки под благовидными предложениями за бесценок отошли прочей родне из герцогского дома. Тем не менее, окончательно обобрать сироту они побоялись, оставив нетронутыми редкие безделушки и утварь, годами пылившуюся в сундуках.

Хан Сиэнь велел вскрыть сундуки прямо во дворе. Дорогие шелка без должного ухода истлели и пошли пятнами, а изящные шпильки потемнели от времени. Юноша брезгливо поворошил пальцем тусклые украшения и сухо приказал:

— Переправьте всё это в поместье уездного князя Юна. Отдайте старшей сестре Минчжу.

Сиэнь не привык посягать на чужое. Эти вещи принадлежали его покойной матери и предназначались для ее детей. Ее настоящий сын давно покоился в сырой земле, так пусть они послужат ее дочери.

Приданое госпожи Ван даже в урезанном виде поражало воображение. Длинный караван повозками потянулся к воротам поместья уездного князя Юна, вызвав на улицах столицы немало толков — зрелище превосходило иные свадебные процессии. Хан Минчжу, изнуренная тяжелой беременностью, лежала в своих покоях. Едва заведя горы материнских сундуков, заполнивших двор, она не сдержала слез. Наследник Цзи Юэ, боясь, что волнение повредит супруге, поспешил заключить ее в объятия, нашептывая утешения.

Обитатели княжеской усадьбы переглядывались в изумлении. Сам старый уездный князь Юн не ожидал, что между Хан Сиэнем и его сестрой существует столь глубокая привязанность.

Положение Минчжу в доме супруга мгновенно укрепилось — отныне никто не смел выказать ей и тени пренебрежения.

Впрочем, сам виновник переполоха о подобных вещах не думал. Куда больше его занимал вопрос собственного жилья. Новое поместье блестело чистотой, убранство полностью отвечало его вкусам. Служанок прислал сам император — какими бы скрытыми мотивами ни руководствовался государь, Хан Сизнь без лишних сомнений распределил этих холеных девиц на обычную работу. Слуг он нанял сам, а охрану резиденции, как и подобает маркизу, несли выделенные дворцом гвардейцы.

Вещей у него почти не водилось — на сборы ушло бы от силы полчаса. Однако покидать отцовский дом Хан Сизнь не торопился. Жизнь в поместье герцога Хань казалась ему по-своему занимательной. Теперь, когда его статус сравнился со статусом самого Хань Чжо, домочадцы и челядь при виде него бледнели от ужаса. Юноше доставляло искреннее удовольствие наблюдать за их испуганными лицами.

Но если маркиз развлекался, то его спутник, Бай Шу, пребывал в крайнем унынии. Атмосфера герцогского гнезда душила его. Слуги строили грязные догадки об их отношениях с Сизнем — в глаза сказать не смели, но шепотки за спиной не утихали ни на миг. К тому же в ночной тишине Бай Шу то и дело вспоминал, как Хань Чжо брызгал слюной, обвиняя его во всех смертных грехах, и сердце воина закипало от глухой обиды.

Тайная месть — капли, подлитые в чай герцога, от которых тот навсегда лишился мужской силы в самые ответственные мгновения, — принесла лишь временное удовлетворение. Бежать отсюда хотелось без оглядки. Бай Шу бредил новым поместьем, где Сизнь будет полноправным хозяином, где воздух чист, а стены избавлены от вековой гнили. Поместье герцога Хань казалось ему склепом, пропахшим тленом.

Своими мыслями он с Сизнем не делился, безмолвно снося соседство с врагами. Каково же было его удивление, когда спустя всего несколько дней маркиз внезапно велел слугам переносить сундуки в поместье маркиза Вечного Покоя. Сизнь объяснил это просто: получив столь высокий титул от государя, оставаться под чужой крышей было бы верхом неприличия.

Дворцовый плац

Для Бай Шу это стало лучшим подарком. Он с нескрываемым восторгом проводил взглядом повозки, покидающие опостылевший двор. Как только новое гнездо обустроилось, воодушевленный воин отправился во дворец — пришло время приступать к обязанностям инструктора императорской гвардии.

Государь не снизошел до личной аудиенции и сразу велел проводить назначенца к месту службы. Бай Шу ничуть не расстроился. На тренировочном плацу гвардейцев его появление, как и следовало ожидать, встретили враждебно — кое-кто из ветеранов тут же решил проверить пришельца на прочность.

Распускать язык воин не любил. Зачем тратить слова, когда любой спор можно разрешить хорошей зуботычиной? Плац императорской гвардии стал для него идеальным полем деятельности. Одного за другим он уложил на лопатки всех, кто посмел бросить ему вызов. Особых усилий это не потребовало, но к концу дня от монотонной работы мышцы все же приятно поднывали.

Окинув взглядом стонущую кучу поверженных гвардейцев, Бай Шу с хрустом потянулся, разминая затекшие пальцы. Он бросил на них совершенно будничным взглядом, однако несчастным почудилось, будто в его глазах крупными буквами написано «жалкое отребье». Мысленно они проклинали наглого выскочку до седьмого колена.

Не удостоив побитых ответом, инструктор молча развернулся и покинул территорию дворца. За все время пребывания там он не проронил ни единого звука.

Узнав о случившемся, Цзи Ло сначала опешил, а затем покатился со смеху. Сходство между прямолинейным, не признающим авторитетов Бай Шу и высокомерным Хан Сиэнем было поразительным — оба умудрялись наживать врагов на ровном месте. Принц поспешил замять инцидент, избавив строптивого гвардейца от последствий. Его венценосный отец недолюбливал Бай Шу и не жаловал вниманием, что, как ни странно, сыграло на руку: новому инструктору предоставили полную свободу перемещений.

Поместье Вечного Покоя. Вечер

С плаца Бай Шу направился напрямик в поместье маркиза Вечного Покоя. Собственным углом в столице он обзаводиться не планировал — мысль о том, чтобы поселиться где-то отдельно от Хан Сиэня, казалась ему нелепой. Как и прежде, он пренебрег воротами и перемахнул через высокую стену. В новом поместье Сиэнь выделил ему просторные покои неподалеку от своих, но Бай Шу они не прельщали. Сердце требовало привычной близости, какая была у них на бескрайних просторах Сицзяна. Однако с момента возвращения в столицу им приходилось спать порознь — злые языки мещан не знали пощады, и с этим приходилось считаться.

Приземлившись на мягкую траву внутреннего дворика, Бай Шу вздрогнул от ледяного окрика Сиэня:

— Прочь!

Бай Шу замер. Маркиз любил отдыхать на резной кушетке, установленной в тенистой галерее, листая старинные свитки. Сейчас он сидел на ней, скрестив ноги, и с лютой стужей в глазах созерцал распростертую ниц служанку. Прочая прислуга жалась поодаль, дрожа от страха.

В руках плачущей девицы сиротливо замер шелковый плащ. Бай Шу понимающе усмехнулся. Внешность Сиэня сбивала с толку: утонченная красота юноши никак не вязалась в представлении обывателей с образом жестокого палача, не щадящего даже кровных родственников. Стоило смазливой служанке из императорского подарка увидеть столь прекрасного господина, как в ее глупой голове зароились сладкие грезы о большем.

В груди у Бай Шу неприятно кольнуло. Сделав широкий шаг вперед, он мягко забрал плащ из ослабевших пальцев девицы, приблизился к кушетке и набросил ткань на плечи маркиза.

— Ты вечно засыпаешь за чтением, — тихо пробормотал он, бережно расправляя ткань. — Укройся, не ровен час простудишься.

Сиэнь перевел взгляд на побелевшие костяшки сжатых кулаков Бай Шу. В глубине его темных глаз скользнуло нечто неуловимое. Помедлив, он опустил ресницы и ровным голосом произнес:

— Ступайте прочь. И впредь без дозволения на глаза не показывайтесь.

Несчастные девицы, восприняв это как чудодейственное спасение, торопливо коснулись лбами каменных плит и растворились в сумерках.

Маркиз плотнее запахнул плащ.

— Вечер прохладный, а от тебя парит, как от загнанного коня. Где тебя носило?

Бай Шу, все еще тайно ликовавший от мимолетного жеста нежности со стороны Сиэня, растерянно моргнул. Он опустил голову и принулся к своей куртке. Действительно, от него разило соленым потом плаща. Смутившись, он почесал затылок и забормотал:

— Я... пойду ополоснусь.

И, не дожидаясь ответа, бросился наутек.

Сиэнь проводил его фигуру долгим, нечитаемым взглядом.

По заведенным обычаям, столь высокое назначение и переезд в новые чертоги требовали пышного пиршества. Однако Сиэнь презирал условности. К тому же он не мог вспомнить ни одной живой души в столице, чье присутствие на празднике не вызвало бы у него глухого раздражения.

Обустройство резиденции шло наспех. Хорошего повара сыскать пока не удалось, а императорские служанки умели лишь искусно выпекать легкие сладости к чаю, пасовать же перед приготовлением сытных блюд им не пристало.

В итоге Сиэнь просто велел привезти ужин из лучшего столичного трактира. Скромная трапеза должна была ознаменовать и новоселье, и боевое крещение Бай Шу на новой службе.

Огромное, полупустое поместье тонуло в звенящей, почти жуткой тишине, но обоим эта

уединенность была только в радость.

Отужинав, Сиэнь удалился в свои покои. Бай Шу ушел к себе — его двор располагался по соседству. Примостившись на постели, маркиз раскрыл книгу, но иероглифы расплывались перед глазами. Он не уловил ни строчки. Сон не шел, а без этого тусклого занятия бесконечная столичная ночь казалась невыносимо затяжной.

Лишь к третьей страже веки начали тяжелеть. И в этот самый миг за окном раздался тихий, вкрадчивый шорох. Спустя мгновение створка бесшумно приоткрылась, и в комнату, ловко проскользнув внутрь, юркнул Бай Шу.

Увидев, что Сиэнь не спит и пристально наблюдает за ним, незванный гость густо покраснел. Он помялся у окна, нерешительно теребя край своего пояса, но затем все же сделал шаг вперед и, остановившись у ложа, выдохнул пересохшими губами:

— Сиэнь... Я хочу спать с тобой.

В уединенном полумраке спальни эти бесхитростные слова, произнесенные шепотом, прозвучали пугающе двусмысленно, хотя воин имел в виду лишь привычный ночлег бок о бок. Маркиз удивленно вскинул бровь. Бай Шу, сочтя это молчаливым согласием, поспешно забрался под шелковое одеяло.

Он отважился на подобное лишь второй раз в жизни, а потому его движения были торопливыми, угловатыми и полными робкого трепета.

Устроившись у самой стены и затаив дыхание, Бай Шу повернул голову к Сиэню.

— Сиэнь, — едва слышно прошелестел он в темноте, замирая от собственной дерзости. — Можно... я поцелую тебя?

<http://bllate.org/book/20088/2002103>